

Саяпин Владислав Олегович

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

В статье рассматривается процесс виртуализации политической власти, благодаря которому возникают новые возможности многосторонних политических коммуникаций, расширяется база демократического участия, развиваются плебисцитарная демократия, практика референдумов, гражданских инициатив и пр. Виртуальные интернет-технологии качественно изменяют весь стиль современной политической жизни общества, которое начинает маркироваться новыми знаниями и развитием нового этапа информационных коммуникационных процессов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. I. С. 159-166. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1:316:004

Философские науки

В статье рассматривается процесс виртуализации политической власти, благодаря которому возникают новые возможности многосторонних политических коммуникаций, расширяется база демократического участия, развиваются плебисцитарная демократия, практика референдумов, гражданских инициатив и пр. Виртуальные интернет-технологии качественно изменяют весь стиль современной политической жизни общества, которое начинает маркироваться новыми знаниями и развитием нового этапа информационных коммуникационных процессов.

Ключевые слова и фразы: социальная виртуальность; глобализация; виртуализация; виртуальная пропаганда; виртуальная община; искусственная виртуальная реальность.

Саяпин Владислав Олегович, к. филос. н.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

vlad2015@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ[©]

Политическая сфера при переходе человечества в информационную эпоху, также как и экономическая, по-прежнему продолжает оставаться важнейшей в его функционировании, а политическая система как ее основа, хотя и претерпевает трансформацию, но обеспечивает регуляцию политической деятельности общества. Демократическая форма политики, столь характерная для индустриальной эпохи, все еще остается наиболее жизнеспособной и перспективной. Так, по мнению исследователей К. Поппера и П. Дракера, у демократии есть блестящие перспективы в информационном обществе, и вывод они делают на том основании, что благодаря социальной виртуальности демократические процессы, хотя и изменяют свой облик и содержание, однако становятся более открытыми, прозрачными и вовлекают в эти процессы все больше граждан [14; 15; 28].

Рассматривая сущность современной демократии, другой исследователь, Э. Тоффлер, отмечает, что в настоящее время массовая демократия, опирающаяся на массовые политические партии, массовые движения и СМИ, начинает рассредоточиваться, трансформируется и принимает «мозаичный» характер. Демассифицирование демократии способствует появлению великого множества различных движений, партий и групп, что существенным образом снижает вероятность качественного построения возможных сценариев будущих политических ситуаций [22]. Кроме того, Тоффлер выдвигает тезис о том, что человечество на пороге XXI в. вступает в эпоху «смещения» власти, когда постепенно под влиянием новейших информационных технологий трансформируются все имеющиеся в социальном мире структуры власти, и на «обломках» этих старых структур власти зарождаются кардинально новые [21]. При этом сам процесс «смещения» власти порожден, на его взгляд, фундаментальным сдвигом в соотношении социальных сил – переходом политической и экономической власти к производителям информации, которые посредством применения знания и использования информации создают богатство. Происходит процесс перераспределения власти, затрагивающий как основания власти, так ее структуру. Если ранее факторами политической и экономической власти признавались богатство и насилие, которые являлись ее источником, то в XX в. к ним примкнуло знание. Современное знание становится важнейшим источником и силы, и богатства, и власти. То есть складывается такая ситуация, когда богатство и насилие как факторы власти напрямую зависят от овладения информацией, основанной на знании.

Природа информации как политического ресурса и стимула такова, что она подвижна и легко проникает через всевозможные границы и преграды, вследствие этого новая власть все больше содержит информационные коды и представительские имиджи, на базе которых общество формирует свои институты, а человечество строит свои жизненные планы и принимает решения относительно своих деяний. Центром такой власти становится ментальная сфера – смыслы людей. Такую власть нельзя уловить. Мы знаем, что это такое, однако уловить её неспособны, так как она обнаруживает себя функцией нескончаемой борьбы вокруг культурных кодов и кодексов общества. И победителем выйдет именно тот, кто в борьбе за умы человечества будет опираться на власть гибких, многовариантных, информационных сетей. Где сетевые структуры обнаруживают себя одновременно и средством и результатом глобализации общества и выступают в современности важнейшим источником власти. Так, по мнению Кастельса, именно сетевые структуры составляют «новую социальную морфологию наших обществ, а распространение “сетевой” логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [12, с. 494]. Сети информационной эпохи все больше не столько обслуживают реальную политику, сколько выступают собственной политической силой, от которой зависят властные институты и отдельные политики.

Так или иначе, в странах с передовой экономикой происходят перемены, отражающие трансформацию политической жизни современного общества, где контроль над информацией и определяет реальную власть. Трансформация политического процесса в информационную эпоху под влиянием интернет-технологий качественно изменяет модели и механизмы политической конкуренции, взаимоотношения между людьми

и властью, задействует социальный капитал неоднородного гражданского общества и, в конечном итоге, воздействует на основания самой социальной реальности. Прежняя социальная реальность индустриальной эпохи разрушается и зарождается новая – социальная виртуальность [17], в основание которой закладываются идеалы свободы, разнообразия и неоднородности.

Технологии виртуализации, применяемые в сети Интернет, создают огромные возможности многосторонних политических коммуникаций. Смысл, таких виртуальных коммуникаций заключается в том, что индивиды, участвующие в тех или иных политических процессах и получающие информацию посредством сети Интернет, в равной мере способны принять участие в полном и идентичном контексте общественной дискуссии, имеют возможность слышать и видеть, а также могут быть увиденными и услышанными. Многосторонняя виртуальная коммуникация – это демократическая диалоговая форма коммуникации, которая содействует своего рода открытым публичным дебатам. Например, публичные политические площадки различных партий, движений, центров, фондов, клубов, студий и т.д., которые в обязательном порядке представлены в виртуальном пространстве сети Интернет. А очень часто в этой сети роль подобных площадок берут на себя еще и социальные сети, блоги и форумы.

Сегодня происходит тотальная политизация сети Интернет, где формируются виртуальные тренды партий и имиджи политиков, ведутся пропагандистские виртуальные действия и виртуальные политические и экономические войны [18]. Виртуальные коммуникации в сети Интернет открывают новое «виртуальное измерение» в практике политического процесса. Они становятся таким политическим механизмом, который эффективно, дешево и оперативно: мобилизует социально и профессионально близких людей, порою живущих друг от друга на больших расстояниях; способствует партийному строительству; поддерживает свободный дискурс в гражданском обществе и многое другое. Явлением, ярко демонстрирующим политическую роль Интернета, стала технология флэш-моб – гражданская акция, организованная через сеть Интернет, подразумевающая организацию массы людей в рамках мегаполиса. Сотни или тысячи незнакомых прежде людей одновременно встречаются на одной из площадей или улиц, чтобы показать и выразить свой взгляд по той или иной теме.

Еще со времен Ф. Тенниса и его известной социально-политической концепции разделения того, что он называл *Gemeinschaft* (община), *Gesellschaft* (общество) [35], прослеживается тенденция, при которой демократический процесс характеризуется, с одной стороны, положительной взаимной зависимостью между людьми, способными формировать добровольные социальные ассоциации на основе спланированных идей, задач и целей, а с другой стороны, целостностью и устойчивостью демократического процесса в целом. Далее эта установка становится общепризнанной практически всеми социальными мыслителями конца XIX в. – включая М. Вебера, Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля.

Именно общины (добровольные ассоциации), по мнению французского социального исследователя А. Токвиля, обнаруживают себя тем духовно-нравственным вектором, который способен направить человечество от крайних форм индивидуализма к формированию коллективной идентичности людей [20]. Община не создается всякий раз, когда определенной группе людей удастся взаимодействовать между собой, а истинную общину всегда скрепляют ценности, опыт и нормы, которые члены данной общины разделяют. Чем глубже заложены эти общие ценности, тем сильнее чувство общности. Так, по мнению исследователя Х. Рейнгольда, виртуальная община возникает тогда, когда люди ведут общение посредством сети Интернет друг с другом достаточно длительное время, для того чтобы выработать устойчивые связи, при этом сеть избавляет процесс строительства общины от ограничений пространственной близости и позволяет границы локальных общин расширить до национальных и международных масштабов [33].

Собственно при содействии сети Интернет сегодня в современном обществе складывается такой сценарий, когда географическая (пространственная) удаленность не является ограничением процесса формирования чувства общности у людей. Интернет способствует общинному строительству, устраняя такие барьеры виртуальной коммуникации, как географическая удаленность, социальные, национальные, расовые, возрастные и другие различия. Следовательно, коммунитарные возможности Интернета – огромны, и развиваются они в следующих направлениях: во-первых, качественно трансформируют прежние социально-политические общины и сообщества, предоставляя им новые возможности и перспективы и, во-вторых, формируют новые виртуальные общины, которые возникают только в рамках виртуального пространства сети Интернет.

Процесс обретения виртуальной общиной своей сущностной специфики, «своего лица» исследователь Кастельс называет процессом коллективной идентичности и выделяет три ее вида:

- исходящая от государства, такая коллективная идентичность формирует гражданское общество и представлена в социальной виртуальности точкой зрения органов власти и официальными институтами государства;
- идентичность неподчинения (сопротивления) – это разнообразные виртуальные общины, коллективная позиция которых негативна и обращена против официальной политики;
- идентичность соглашательства – представлена теми виртуальными общинами, которые возникли с целью сопротивления, но в дальнейшем становятся лояльными по отношению к официальной политике. Такие общины формируют отдельные личности (виртуальных субъектов), через которых свой накопленный коллективный опыт могут использовать в общественно полезных целях.

Обретая свою специфическую особенность, группа виртуальных субъектов становится общиной, способной взять на себя частично властные полномочия для решения, как правило, локальных (региональных) вопросов. Однако властные полномочия, таких виртуальных общин не является главной политической целью. Главная цель виртуальных субъектов в таких общинах «ощущение нужности», сопричастности к общему делу всего коллектива [27, р. 376].

Кроме того, некоторые исследователи обращают внимание на очень частое отсутствие социальной солидарности в подобных виртуальных общинах, а также на проявления солипсизма, которые способствуют сдерживанию процесса общинного строительства [26]. Такими факторами, ограничивающими коммунитарные перспективы и потенциал виртуальной общины, являются:

- дефицит социального (психологического) давления со стороны коллектива – неосязаемого нормативного ресурса общения лицом к лицу, играющего существенную роль в развитии ответственности и социальной солидарности членов реальной общины; лежащие в основе этого фактора механизмы «избегания осуждения» и «стремления к поощрению» не имеют непосредственной связи с содержанием информационного обмена между виртуальными субъектами, и носят зачастую иррациональный характер;
- неустойчивость взаимных связей, ничем неограниченная, постоянная смена круга общения и текучесть субъектов в виртуальных общинах в противоположность реальным общинам, которые имеют институциональные и географические ограничения по текучести персонального состава;
- анонимное¹ общение виртуальных субъектов в сети Интернет является по своей природе неблагоприятным пространством для выработки таких общинных качеств, как взаимоуважение, взаимодействие, взаимовыдержка, взаимовыручка.

Такое положение дел в сети Интернет особенно остро ощущается собственно в тех виртуальных общинах, которые не имеют реальных взаимных связей вне пространства Интернета. Однако в реальных социально-политических общинах: научных, профессиональных сообществах, группах друзей и т.д., использующих интернет-технологии, эти факторы существенного негативного влияния не имеют.

В настоящее время в виртуальном пространстве сети Интернет созданы, продолжают создаваться и динамично развиваться множество виртуальных общин, которые образуют внутри этой сети единицы с большим количеством связей. Такие единицы называются сетевыми кластерами (объединениями однородных виртуальных общин). Так, например, кластер социальных сетей в WWW объединяет в себе: сети медиа-ресурсов, блоги, сети персональной информации (*Facebook, Twitter, MySpace, LinkedIn*, Одноклассники, Мой круг и др.), *wiki*-энциклопедии, системы закладок (*del.icio.us*) и т.д. Количество виртуальных субъектов в данном кластере увеличивается с беспрецедентной скоростью, что вызывает вполне заслуженный интерес со стороны политтехнологов. Кроме того вызывают интерес и вопросы, связанные со структурой и свойствами больших длительно развивающихся в виртуальном пространстве объединений виртуальных общин, для которых неприменимы классические алгоритмы кластеризации [31].

Итак, развитие сети Интернет всецело вселяет в сознание многих людей уверенность в жизнеспособности демократии. Интернет становится «великим уравнивателем», ликвидирует посредников между гражданами и властью и во многом облегчает многостороннюю коммуникацию. Очевидно, что бурное развитие интернет-технологий, огромная популярность социальных сетей и рост числа пользователей сети Интернет придают новое качество демократическому политическому процессу и оказывают существенное влияние на традиционные формы политической конкуренции. В настоящее время ни одна политическая партия не может пренебрегать сетевыми возможностями. Многие политические и предвыборные кампании идут в сети Интернет не менее активно, чем в обычной жизни. Интернет во многом уравнивает возможности традиционных, влиятельных политических сил и партий – новичков, не имеющих солидной истории и связей, но сумевших создать привлекательный тренд и выдвинуть актуальные для людей лозунги. Государственные властные структуры и неправительственные организации также очень часто используют именно Интернет как основной канал распространения своих идей и ценностей. Власть становится, во многом, функцией образа политического имиджа. Лидерство становится персонализированным, а путь к власти лежит через создание имиджа. Речь не идет о том, что любая политика может быть низведена до уровня средств информации, как она не идет и о том, что ценности и интересы не испытывают влияния со стороны политики [10].

Однако столь оптимистическая картина политической конкуренции в современном обществе разделяется далеко не всеми исследователями.

Во-первых, демократия массового участия людей, прежде всего, активизируется во время выборов компаний, а в период между выборами, как правило, «народ безмолвствует», большинство граждан относится к политике безучастно. Власть в информационном обществе осуществляет политическая элита, которая также трансформируется, обретая при этом новое содержание и новые функции. Новая политическая элита информационного общества – это сложная разветвленная сеть различных институтов, учреждений, организаций, ассоциаций и т.д., выполняющих, главным образом, функцию интерпретации для обычных граждан всего протекающего в современном социуме и не способных справиться с бурными информационными потоками, которые обрушиваются на них в повседневной жизни.

Избыточная информация очень часто меняет политическое поведение большей части обычных граждан, которые в состоянии «информационного стресса» [5] дистанцируются от власти и вступают в отношения с ней по крайней необходимости, а потребность в общении активной части граждан реализуется, как правило, через коммуникацию с единомышленниками в рамках виртуального пространства сети Интернет. Определяя сущность такой политической активности небольшого числа граждан (виртуальной общины), П. Дракер именует ее «тиранией немногочисленного меньшинства» [29, р. 144]. По его мнению, виртуальные общины – это не массовые движения, а немногочисленные сплоченные группы (не более 10% избирателей), которые

¹ Анонимность следует понимать лишь как недоступность для партнера в процессе сетевого общения реальной информации о нем как о личности, а не невозможность установить электронный, а затем и реальный адрес, и имя коммуниканта.

оказывают значительное воздействие на политический процесс и на деятельность государства в целом. Разрушительный заряд деятельности виртуальных общин колоссален и главную задачу, которую они ставят перед собой в политической конкуренции – это сорвать, бойкотировать, не пропустить и т.д. Политическая деятельность виртуальных общин имеет большие перспективы в условиях информационного общества. В виртуальном пространстве сети Интернет можно не только достичь политических результатов в плане сплочённости граждан, но и бескомпромиссно и адресно воздействовать на своих политических конкурентов. Так, Кастельс, указывая на наличие нескольких видов деятельности таких виртуальных общин, пишет: «Они включают реальные движения, которые ставят целью изменение человеческих отношений на их самом фундаментальном уровне, такие как феминизм и движение в защиту окружающей среды. Но они также включают и массу ответных движений, которые выстраивают цепь сопротивления во имя Бога, нации, народа, семьи, т.е. все фундаментальные категории, отражающие существование, весьма противоречиво легли в основание движений против техно-экономических сил» [27, р. 376].

Во-вторых, реальная политическая конкуренция в рамках виртуального пространства сети Интернет, замещаясь социальной виртуальностью – артефактами имиджей и брендов, фактически олицетворяет некоторый набор ценностей и очень часто не выражает истинных интересов граждан – избирателей, а лишь симулирует и имитирует эту функцию. Причем распространенная практика манипуляций с рейтингами и общественными мнениями не позволяет оценить реальные масштабы поддержки той или иной политической силы.

В сети Интернет приоритетным становится развитие не информационных, а именно симуляционных и имитационных технологий. Отсюда, подлинность социальной виртуальности становится различной от изоморфного соответствия (электронного текста или картинки на мониторе) до подделок вплоть до фабрикаций, фикций, провокаций, симуляций и т.д. [19]. Масштабная симулятивная деятельность приводит к неопределенности человеческого бытия в сети Интернет, поскольку утрачиваются критерии распознавания реального и вымышленного, ценности и суррогата, истины и лжи. Политическая реальность не просто отдается, но как бы пропадает, а вместе с ней теряется и субстрат человеческого опыта, замещаясь виртуальными политическими картинками мира. Поэтому сеть Интернет с ее виртуальным пространством как нельзя лучше соответствует идеологии постмодернизма, подчеркивающей разнообразность социальных и индивидуальных форм, открытую демократию и плюрализм.

Сегодня политическая власть под влиянием сети Интернет – это технологический гибрид, который обнаруживает себя в «фатальном соединении власти и знака». Где знак все больше предстает в качестве симулякра, фиксируя тем самым не сходство, а наоборот, полную утрату всякой связи с референтной политической реальностью. Такая трансформация (замещение или полная подмена) властных отношений порождает к жизни новые формы политической конкуренции, имя которым – фикции и симуляции. Новые виды политической виртуальной коммуникации, связанные с перестройкой знаковой системы, фундаментально трансформировали способ реализации современных властных установок, где фикции и симуляции оказываются основополагающей политической деятельностью. Такое положение дел, осуществляемое главным образом с помощью имиджевых технологий индустрии масс-медиа, свидетельствует многими фактами: создания имиджа власти, избирательных технологий, освещения национальных, межнациональных и военных конфликтов, и другими PR-стратегиями.

Новая социальная виртуальность в политике фактически становится более реальной, чем сама политическая реальность. Причем сегодня эта социальная виртуальность рассматривается многими социальными исследователями не просто как совокупность вербальных и невербальных коммуникаций, а как специфичная форма дискурса информационного общества. Так, например, французский философ, представитель позднего структурализма М. Фуко в своих работах [23-25] понятие дискурса осмысливал как социально обусловленную систему речи и действия, которая выстраивается на определенных принципах, и в соответствии с которой социальная реальность, опираясь на господствующие властные отношения, репрезентируется в те или иные периоды времени. Дискурс, по мнению М. Фуко – это главное явление социальной власти, а не просто способ описания мира, в котором неразрывно связаны текст, практики и власть. Согласно М. Фуко, возможность индивидуализации политики в информационном обществе и установление доверительных отношений между государством и гражданином преграждается предопределенностью выбора, навязываемого обществу дискурсами и властными структурами. Так опросы общественного мнения предопределяют современную политику, анкетирование – выбор руководителей и работников организаций и предприятий, тесты – стиль политической рекламы, и т.д. То есть свободный выбор в современном обществе во многом становится предопределенным.

Итак, каждый политический объект и политический субъект познания зависят от дискурса и практики дискурса, а, значит – и от социальной виртуальности с её потоками властных отношений, обуславливающих и ограничивающих ход дискурса. Где властные практики дискурса – это характерные для политической науки способы подхода к выражению и изложению знаний о своем политическом объекте. Все мы живем «в плену» дискурса, непременно убегающего от нашего «Я». «Дискурс – это не жизнь: его время – это не ваше время; в нем вы не примиритесь со смертью; вполне возможно, что тяжестью всего того, что вы наговорили, вы убили Бога; но не думайте, что из всего того, что говорите, вы создадите человека, который будет жить дольше, чем Он» [23, с. 207].

Анализируя трансформацию, которая происходит в настоящее время в политической сфере современно-го социума, нельзя не затронуть особый статус СМИ, который зафиксирован сегодня в повседневном выражении «четвертая власть». Политика информационной эпохи как никогда прежде сливается с технологиями

масс-медиа¹, с их безграничными возможностями передачи информации. В теории масс-медиа главнейшим параметром становится не тиражируемость, а широта информационного охвата. Виртуальные коммуникации сети Интернет придали масс-медиа новые скорости и широту информационных каналов, даже незначительная информация становится доступной за считанные секунды в любой точке глобального медиaprостранства. Планетарная возможность доступа, круглосуточные новости, прямые репортажи с места событий – все это стало привычной, повседневной реальностью и люди никогда прежде не получали столько много информации (а порой – дезинформации). По мнению исследователя А. Зиновьева, сегодня функции масс-медиа: «Это и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и оглушение, и борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности, и делание жизни, короче говоря, квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях ее субъективного фактора. Медиа – это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Но это такой инструмент, который сам осознает себя в качестве силы, использующей всех прочих и все остальное в качестве инструмента своей власти над обществом» [8, с. 55-56].

В современности инструментальная роль масс-медиа значительно меняется, чем быстрее идет медиализация, тем активнее усиливается воздействие СМИ, те, кто представляет медиа-индустрию, всё более интенсивно подвергаются нападкам те политические группы, которые мешают самостоятельности и усилению власти СМИ. Наиболее усиленным атакам СМИ подвергаются те политики, которые избираются по принципам представительной демократии: «Презрение к политикам оказалось возведено в ранг непреложной истины, аксиомы общественного сознания» [2, с. 76].

В сети Интернет масс-медиа превратили себя в мощных контролеров политической арены, по замечанию М. Кастельса, они являются сильнейшим механизмом власти в сетевую эпоху [11]. Масс-медиа не только тотально влияют на все политические процессы, но и умело их организуют. К примеру, политическая практика с интернет-форумами, постоянно действующими страницами в сети Интернет постоянно доказывает, что он мог бы стать виртуальным парламентом (региона, страны, сообщества государств), деятельность которого строилась бы на совершенно новых принципах. Прежде всего, это массовость политического участия, когда идея народовластия, причастности каждого к власти становится реальной. В результате открытости процесса принятия решений политический процесс становится «прозрачным». Принцип реактивности также может быть реализован, он предусматривает возможность мгновенной реакции и принятия необходимого решения. И, наконец, принцип прямого участия без избрания посредников. Ведь институт посредников – представителей простых участников политического процесса в постоянно действующих органах власти – это сложная, разветвленная структура власти, действующая от имени избирателей и часто в интересах строго определенной группы, а в сети Интернет он теряет свой вес и практически изживает себя.

Новая социальная виртуальность в политике может быть показана в сети Интернет на примере симуляционных механизмов освещения современных политических событий, генерированных гибридом виртуальных масс-медийных и властных технологий. Примером такой социальной виртуальности с использованием интернет-ресурса являются различного рода рейтинги политических партий и лидеров, которые выстраиваются политтехнологами на основе результатов выборочных опросов общественного мнения. Политтехнологи, отражая «объективные» данные произведенных опросов политической ситуации, в дальнейшем начинают прогнозировать и опубликовывать в виртуальном пространстве сети Интернет итоги последующих опросов, и в результате понятие действительности становится искаженным. Симулякры социальной виртуальности начинают замещать саму политическую реальность. Все это приводит политтехнологов к осуществлению скрытого воздействия на общественное сознание виртуальных субъектов. Подобное манипулирование общественным сознанием с помощью рейтингов на основе выборочного опроса позволяет подвести виртуального субъекта (избирателя) к личному выбору, основываясь в большей степени на варианты мнений самого эксперта, что исключает самостоятельность принятых решений виртуальным субъектом.

Манипулирование общественным сознанием при освещении политических событий и в политической конкуренции в настоящее время носит массовый характер. А виртуальное пространство сети Интернет предоставляет для этого широкие возможности, так, по мнению В. М. Розина, социальная виртуальность позволяет осуществлять суггестию (внушение) человеку, навязывать ему определенные способы существования, нужные манипулятору [16, с. 190-191]. Создание артефактов в виртуальном пространстве сети Интернет – это всегда манипулирование знаками, символами, а виртуальные коммуникации – это потоки символов по определению. То, что сегодня выглядит как информационный поток, как правило, является процессом создания виртуального мира. По большей части «миры», создаваемые в сети Интернет, имеют очень мало общего с действительностью. В них возникает идеализированное представление о том, как «должно быть» или якобы «имеет место быть», но повседневная практика остается довольно далекой от этих представлений. Человек большого города давно живет в мире симулякров, которые заменяют реальные артефакты, а зачастую и вовсе не имеют прототипов в социальной реальности.

Что же такое манипуляция? По мнению исследователя Е. Л. Доценко, «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [7, с. 59]. Считается, что манипулирование

¹ Термин *media* в английском языке обладает обширным значением. В русском языке этот термин очень часто переводится как «средство коммуникации», а также может переводиться, как «средство сообщения» и «средство массовой информации».

людскими массами представляет собой воздействие на общественное мнение с помощью управленческих эффектов для достижения определенных целей манипулятора. Манипуляции оказывают как негативное, так и позитивное влияние (например, воздействие на виртуальные общины для поднятия у них высокого уровня политического участия, активности и т.д.). Манипулирование, как в повседневной жизнедеятельности людей, её проявления в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий [9, с. 122], так и в сети Интернет, явление довольно обычное. Оно происходит и в межличностном общении, и при групповом взаимодействии, и с помощью СМИ. Манипуляция – это традиционный инструмент в общественной жизни и политике и ее характеризуют такие свойства как запланированность и скрытость, которая достигает тогда своей цели, когда она направлена вне интересов человека, являющегося объектом непосредственных манипуляций. Манипуляция сознанием только тогда эффективна, когда человек уверен, что он свободно выбирает свою линию поведения и все происходящее естественно и неизбежно, а для этого требуется такая социальная виртуальность, в которой присутствие манипуляции не будет ощущаться.

Общественное сознание, которое является одной из особенностей массовой психологии, склонно к стереотипизации поведения человека, шаблонному восприятию окружающей действительности. Поведение человека в обществе вариативно и многообразно. Однако наряду с этим поведение человека и типизировано, так как оно подчиняется нормам, выработанным в обществе, и поэтому во многих отношениях стандартно. Такое положение является результатом действия двух противоположно направленных тенденций. Первую тенденцию можно назвать центробежной. Она проявляется в разнообразии поведения, росте его вариативности. Вторая тенденция выражается в том, что всякое общество, заботясь о своей целостности, вырабатывает систему социальных кодов (программ) поведения, предписываемых его членам [13]. Итак, стереотипизация в сети Интернет ведет к стандартизации информации, дезинформации виртуальных субъектов, к манипулированию общественным мнением в интересах властвующей элиты.

Для укоренения шаблонного восприятия окружающей действительности технология манипулирования предполагает использование различных стратегий и методов влияния на сознание масс, к которым относятся также и другие манипулятивные феномены социальной виртуальности, такие как виртуальная пропаганда и виртуальные войны. Возможности для манипулирования людьми расширяются благодаря тому, что современный потребитель информации буквально тонет в изобилии фактов, мнений, оценок, содержание которых не осваивается, а лишь присваивается.

Следовательно, новая социальная виртуальность, приносящая положительные перспективы в механизмы справедливого политического конкурентирования, способствует и негативным моментам связанным, прежде всего с унификацией личности, деформированием сознания путем информационных манипуляций, угрозой психического здоровья человека. Все это приводит к сокращению межличностного общения, ужению социальных связей и депрессивным состояниям людей. Кроме того, отчуждение сознания в современном виртуальном пространстве усиливается навязыванием потребительского мировоззрения, идеологической экспансией вестернизированных¹ ценностей, главным образом американских и ориентацией на примитивные образцы западной политической культуры в масштабах всей планеты. Отсюда возникают возможности: потери национальной коллективной идентичности; отчуждения от традиционных ценностей; обеднения духовного разнообразия в культуре человечества, что в итоге может привести к кризису в политической и духовной сферах современного общества.

Виртуальные технологии и наличие глобальной сети Интернет, относящейся к территории всего земного шара и совмещающей сегодня в себе многие возможности телевидения, телефонии, радио, печатных изданий и т.д., существенно влияют и на важнейший в современном обществе политический институт – государство, которое претерпевает заметные и ощутимые трансформации. Следует подчеркнуть, и это особенно важно, что на фоне современного повышения автономности личности и активного формирования локальных и виртуальных общин, под влиянием процессов глобализации происходит трансформация мироустройства, приводящая к кризису национальных государств², которые в условиях функционирующего глобального виртуального пространства подвергаются прессингу, направленному на интенсификацию интеграционных процессов и объединению государств. Под глобализацией в самом общем смысле понимается процесс углубившейся «глобальной взаимозависимости государств, экономик, культур, характеризующийся сжатием мира и интенсификацией осознания людьми мира как единого целого» [30, р. 6], весь мир становится «всемирной деревней» [34, р. 8]. Другими словами, общественная жизнь все больше испытывает на себе влияние событий и действий, совершающихся довольно отдаленно от той социальной среды, в которой она проходит. Так, по мнению отечественного исследователя А. Д. Богатурова, глобализация – это факт во многом виртуальный, поскольку «большая часть наиболее впечатляющих проявлений этой тенденции, по сути, локальна и проявляется преимущественно в зоне постиндустриальных стран и в тончайшем слое Интернет-электронных связей, протянувшихся от них в другие части мира» [4, с. 376].

В настоящее время кризис национальных государств обнаруживает себя, прежде всего, в беспомощности этих государств в решении острых экономических, политических, демографических и других вопросов. Так,

¹ Вестернизация – распространение западных ценностей по всему миру.

² Под национальным государством понимается сформировавшаяся в индустриальную эпоху политическая организация общества, которая легитимно выражает и отстаивает коренные (политические, экономические, культурные и духовные) интересы обособленной и сплоченной на основе осознания своей целостности и единой исторической судьбы устойчивой общности людей – нации.

по мнению Кастельса: «Национальное государство всё в большей степени становится бессильным в плане контроля над монетарной политикой в решениях по бюджету, в организации торговли, в подборе корпоративных расценок... Утрата большая часть экономической мощи государства» [27, р. 254]. Высокая степень коррумпированности, бюрократизации, рост уровня преступности, – всё это признаки, характеризующие кризис современного государственного института, инструментальная мощь которого «в значительной мере подрывается глобализацией центральных, стержневых экономических действий, а также глобализацией СМИ, электронной коммуникацией и глобализацией преступлений» [Ibidem, р. 244]. Национальные государства в этих непростых условиях все больше стремятся в различные наднациональные социально-политические и экономические образования, что ведет к формированию надгосударственных институтов власти, которые включают представителей многих государств. Примером тому служит объединенная Европа (Европейский союз), насчитывающая 27 европейских государств-участниц и включающая в себя такие социально-политические структуры как Европейскую комиссию, Совет Европейского союза, Европарламент, Европейский суд, Палату аудиторов и т.д. Эти политические структуры активно вмешиваются во внутренние дела этих государств, частично отнимают у них властные полномочия, а в некоторых сферах их деятельности подменяют собой эти государства.

Наряду с глобализацией, как одной из ведущих тенденций централизации власти, политическая жизнь современного общества в новой социальной виртуальности испытывает влияние и других политических процессов, таких как локализация и глокализация. В последнее время ряд социальных исследователей полагают, что глобализация – это сложный процесс, состоящий из различий и тождеств тенденций и универсализма, проявлений противоположной направленности. К их числу, например, относятся следующие социально-политические процессы:

- локализация – консолидация цивилизационных и этнических образований, стремящихся проводить идеологию «культурной изоляции»; склонность к самосохранению различных культурных ареалов с их партикуляристскими целями, основанными на удержании политической, административной или культурной автономии (фундаментализм, трайбализм, национализм, фашизм, коммунизм, социализм, коммунитаризм, экологизм, феминизм и т.д.); культурный плюрализм, непрерывно расстраиваемый претензиями на исключительность отдельных форм социальной идентификации и т.д. [6, с. 50-51];

- глокализация (понятие, означающее сочетание процессов локализации и глобализации) – сочетание достижений формирующейся мультикультурной глобальной цивилизации с процессами модернизации локальных культур; происходит в результате конструктивного взаимообогащения и сотрудничества культур в рамках культурных регионов, т.е. культурной гибридации. Так, по мнению исследователя З. Баумана глокализация – это процесс, объединяющий тенденции локализации и глобализации и который базируется, прежде всего, на дискриминации и перераспределении привилегий, бедности и богатства, силы и бессилия, зависимости и свободы [3, с. 87].

Кроме того, отдельные исследователи подчеркивают, что локализация и глокализация сегодня противостоят всеохватывающему и универсальному процессу глобализации, а иногда и самостоятельны от него, так как протекают одновременно с ним [1, с. 47].

Таким образом, в информационную эпоху происходит глубокая трансформация всей политической сферы общества, способствующая возникновению новой социальной реальности – социальной виртуальности. Благодаря технологиям виртуализации политической власти создаются огромные возможности многосторонних политических коммуникаций, расширяется база демократического участия, развивается плебисцитарная демократия, практика референдумов, гражданских инициатив, и пр. Виртуальные интернет-технологии качественно изменяют весь стиль современной политической жизни общества, которое начинает маркироваться новыми знаниями и развитием нового этапа информационных коммуникационных процессов. Где новые виртуальные коммуникации поглощают всю политическую сферу общества и воссоздают «...такую общину, то есть такую форму социального взаимодействия, при которой возникает режим “взрывного” сжатия пространства, времени, информации. Происходит интеграция знаний, имеющихся в отдельных науках, сливаются мысли с чувствами, сознание с реальностью. Мозг как бы выносится вовне...» [32, р. 79-80]. Очевидно, что Интернет способствует сегодня не только развитию нового научного знания, в том числе политического, но и однозначно выступает базой для формирования будущей политической культуры общества.

Современная специфика отношений общества и власти, охватывающая политику, в традиции понимания этого слова (греч. *politikē* – искусство управления государством), становится во многом гибридом виртуальных масс-медийных и властных технологий. Дефицит реальных ресурсов и действий современная власть компенсирует артефактами (симуляциями и фикциями), замещающими в глобальном медиа-пространстве с помощью симуляционных механизмов реальные политические проблемы и события. Традиционные формы политики, ее содержание и облик, цели, нормы, идеи в современном обществе существенно трансформируются. Роль ранее существовавших публичных политических площадок берут на себя феномены социальной виртуальности: социальные сети, блоги, форумы, превращаясь в необходимые атрибуты современного политического ландшафта. Это означает, что практика политической конкуренции, партийная система, институты государственной власти, фигура политического деятеля в том виде, в котором они существовали еще несколько десятков лет назад, трансформируются для дальнейшего развития в контексте новой политической культуры складывающейся в XXI в.

Список литературы

1. **Актуальные вопросы глобализации:** круглый стол «МЭиМО» // *Мировая экономика и международные отношения*. М., 1999. № 5. С. 41-57.
2. **Бард А., Зодерквист Я.** Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.
3. **Бауман З.** Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
4. **Богатуров А. Д.** Брюссельско-вашингтонский порядок? // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. М.: НОФМО, 2002. С. 373-377.
5. **Бодров В. А.** Информационный стресс: учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2000. 349 с.
6. **Глобализация: контуры XXI века:** реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 2002. Ч. 1. 264 с.
7. **Доценко Е. Л.** Психология манипуляции. Феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; Юрайт, 2000. 343 с.
8. **Зиновьев А.** Глобальное сверхобщество и Россия. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 128 с.
9. **Каневский М.** Мобильный дозор. OSМыСливая политику. М.: Европа, 2006. 160 с.
10. **Кастельс М.** Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург – М., 2004. 328 с.
11. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Изд-во гос. ун-та высш. шк. экономики, 2000. 607 с.
12. **Кастельс М.** Становление общества сетевых структур // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология*. М.: Academia, 1999. С. 494-504.
13. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
14. **Поппер К.** Открытое общество и его враги: в 2-х т. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 448 с.
15. **Поппер К.** Открытое общество и его враги: в 2-х т. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. 528 с.
16. **Розин В. М.** Виртуальные реальности: природа и область применения // *Социально-политический журнал*. 1997. № 6. С. 183-199.
17. **Саяпин В. О.** Искусственная социальная виртуальная реальность и её воздействие на социокультурное пространство современного общества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18). Ч. 2. С. 174-181.
18. **Саяпин В. О.** Смысловые реалии виртуальной пропаганды в сети Интернет // *European Social Science Journal*. 2014. № 1-2 (40-41). С. 23-29.
19. **Саяпин В. О.** Творческая активность сознания как общее основание виртуальных реальностей // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31). Ч. 2. С. 172-179.
20. **Токвиль А.** Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
21. **Тоффлер О.** Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. М.: ИНИОН РАН, 1991. 32 с.
22. **Тоффлер Э.** Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 669 с.
23. **Фуко М.** Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 416 с.
24. **Фуко М.** Воля к знанию // *Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности*. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 97-111.
25. **Фуко М.** Порядок дискурса // *Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности*. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47-97.
26. **Beniger J.** Personalisation of Mass Media and the Growth of Pseudo-Community // *Communication Research*. 1987. Vol. 14 (3). P. 352-371.
27. **Castells M.** The Rise of the Network Society. Oxford, UK, 1996. Vol. 1. 556 p.
28. **Drucker P.** Post-Capitalist Society. N. Y.: Harper-Collins Publ., 1995. 232 p.
29. **Drucker P.** The New Realities. Oxford, 1996. 168 p.
30. **Featherstone M.** Global Culture: An Introduction // *Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity*. L.: Sage, 1990. 416 p.
31. **Lei Tang.** Learning with Large-Scale Social Media Networks: Ph. D. dissertation / Arizona State University. Tempe, 2010. 119 p.
32. **McLuhan M., Hitchon K., McLuhan E.** City as Classroom. N. Y., 1977. 184 p.
33. **Rheingold H.** A Slice of Life in My Virtual Community // *Global Networks*. Cambridge, Mass., 1993. P. 57-80.
34. **Robertson R.** Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992. 224 p.
35. **Tonnies F.** Community and Society: Gemeinschaft und Gesellschaft by Ferdinand Tonnies / translated and edited by Ch. P. Loomis. The Michigan State University Press, 1957. 294 p.

TECHNOLOGIES OF POLITICAL POWER VIRTUALIZATION IN INFORMATION AGE

Sayapin Vladislav Olegovich, Ph. D. in Philosophy
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
 vlad2015@yandex.ru

The article considers the process of political power virtualization, thanks to which there are new possibilities of multilateral political communications, the base of democratic participation expands, plebiscite democracy, the practice of referendums and civil initiatives are developed and so on. Virtual Internet technologies qualitatively change the whole style of the contemporary political life of society that starts to be marked with new knowledge and the development of a new phase of information and communication processes.

Key words and phrases: social virtuality; globalization; virtualization; virtual propaganda; virtual community; artificial virtual reality.